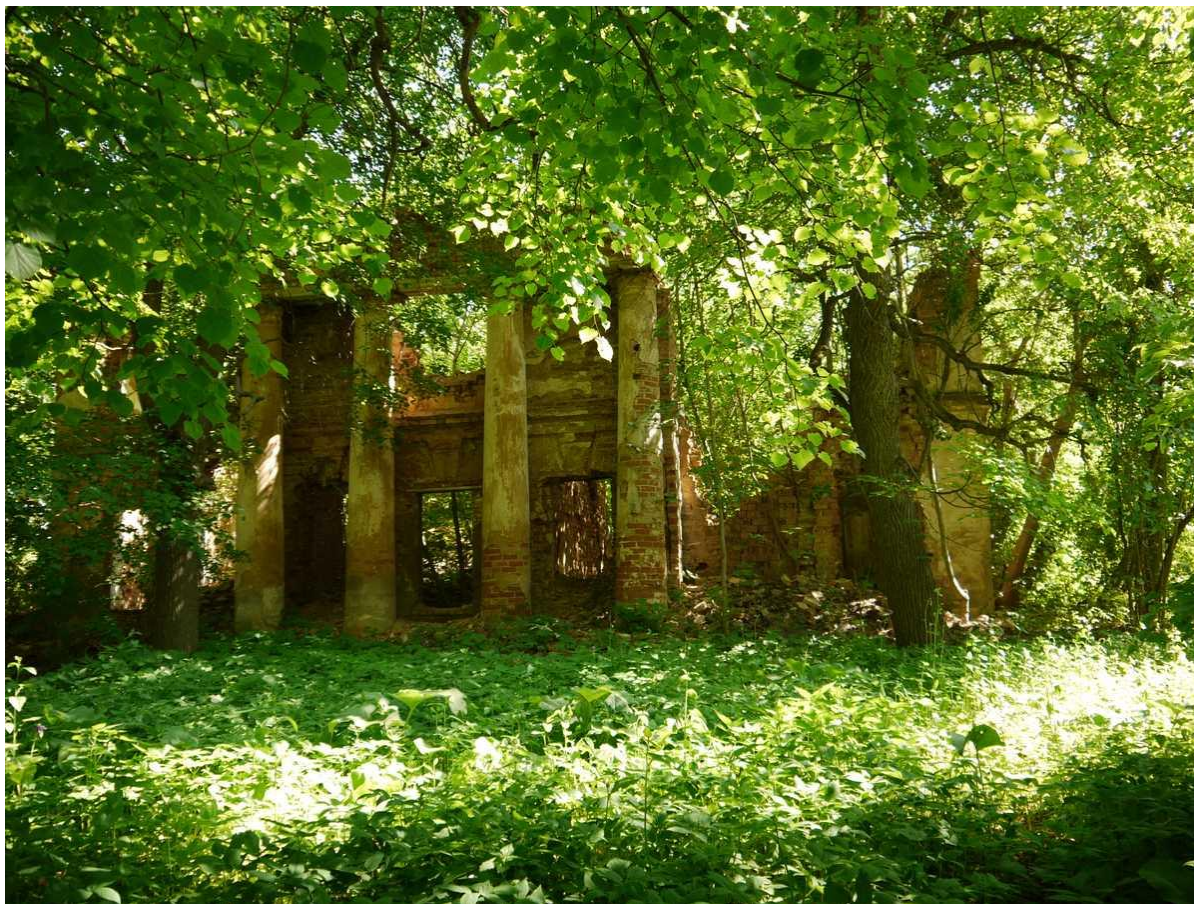

Прогулка по липовым «Аллеям парка князей Васильчиковых»

...Если мы можем слышать от достоверных людей, что не только непристойная пошлая макулатура требуется на книжном рынке, но ищется серьезная книга, то это может наполнять всех работников Культуры настоящей радостью. Именно не каждый день может нисходить к нам радость...

Н.К. Рерих, Радость о книге

Действительно, не каждый день и далеко не каждая книга приносит нам радость и знания. Современный читатель, интересующийся историей, оказался в непростой ситуации, сталкиваясь с большим количеством недостоверной и откровенно ложной информации. Дела с исторической прозой сейчас обстоят, прямо скажем, неважно.

Парк князей Васильчиковых в усадьбе Выбити

Некоторое время назад, а именно в 2017 году, вышла в свет историческая повесть под названием «На аллеях парка князей Васильчиковых» [1]. Ее автор, Галия Камилловна Насурдинова, взялась рассказать читателям о судьбе генерала Николая Васильевича Васильчикова (1781–1839), участника Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1814 годов, познакомить с его семьей, родными и близкими. В «Военной галерее 1812 года» Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, посвященной героям этой славной и достопамятной эпохи в истории России, представлены портреты трех братьев Васильчиковых – Иллариона, Дмитрия и Николая. Женой Николая Васильевича Васильчикова стала Елизавета Максимовна Ган, вдова генерал-майора Алексея Федоровича Гана, бабушка основательницы Международного Теософского общества Елены Петровны Блаватской (1831–1891). Так, автор

книги попыталась отобразить родственные связи Васильчиковых и Ганов, рассказать о службе генерала Алексея Гана, о судьбе его детей и детей Елизаветы Максимовны от второго брака. Отдельные главы посвящены сыну генерала Петру Алексеевичу Гану, его жене – писательнице Елене Андреевне Ган, урожденной Фадеевой, и их дочери Елене Петровне Блаватской. Не забыто и семейство Андрея Михайловича и Елены Павловны Фадеевых, деда и бабушки Е.П.Блаватской по материнской линии. Особо отмечено происхождение Елены Павловны Фадеевой из рода князей Долгоруковых и французского рода де-Бандре-дю-Плесси. Объектом внимания автора становятся А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов. Упомянуты также внук Фадеевых С.Ю.Витте, сестра Е.П.Блаватской писательница Вера Петровна Желиховская, ее дочь Надежда, вышедшая замуж за генерала А.А.Брусилова, а также множество лиц, не имеющих непосредственного отношения к семье Н.В. и Е.М.Васильчиковых. Центром притяжения, вокруг которого разворачивается история в этой книге, становится усадьба Васильчиковых Выбити в Новгородской губернии, а кульминацией произведения – «разгадка» прообраза «ангела-хранителя», якобы витающего над аллеями приусадебного парка уже более сотни лет.

Название книги звучит заманчиво, и, приглашая прогуляться по аллеям парка в усадьбе Васильчиковых, Г.К.Насурдинова пишет: «Эта сонная обитель и наша быстротечная жизнь сегодня соединяются глубокой полноводной, неиссякаемой, светлой рекой, имя которой наша Память о достойных и красивых предках, проживавших на благословенной, исконно Русской земле...» [1, с. 3].

Как раз об уважении к памяти исторических личностей и исторической правде и пойдет разговор. Взвзвись писать о них, автор взяла на себя ответственность перед историей, перед читателями, перед живущими ныне потомками генерала Гана, Е.П.Блаватской и других фамилий. Материал, объявленный исторической повестью, оказался на редкость небрежным и ложным. Жизнь семьи Фадеевых и Е.П.Блаватской, не говоря уже о Пушкине, хорошо известна достаточно широкому кругу людей. И книга Г.К.Насурдиновой не вызовет ничего, кроме изумления и законного протеста у тех исследователей, которые изучают и знают их жизненный путь.

Остановимся лишь на некоторых эпизодах этого издания, касающихся Н.В.Васильчикова, А.Гана, А.М.Фадеева, Е.П.Блаватской и их семей.

Генералы Николай Васильчиков и Алексей Ган

Старинный род Васильчиковых, как пишет Г.К.Насурдинова, обогатился родственными связями с семейством Ганов благодаря генерал-майору Николаю Васильевичу Васильчикову. Вот что рассказывается о нем в книге: «Прошел Отечественную войну – от Бородина до Парижа. Живым и невредимым вышел победителем из длительного страшного и кровопролитного боя под Лейпцигом, после которого потерял своего старшего и верного друга, командира, генерал-майора Алексея Августовича фон Гана... <...> Прощальные слова и последняя просьба перед смертью тяжелораненого командира коренным образом изменили судьбу генерала Николая Васильевича» [1, с. 34]. А просил «убиенный» Алексей Ган «навестить его жену» Елизавету Максимовну [1, с. 126], что Николай Васильевич не только исполнил, но и будто бы «решил устроить ее судьбу счастливо», «если она примет предложение руки и сердца» [1, с. 71].

Сначала заметим, что полковник Н.В.Васильчиков (пожалован генерал-майором в 1813 году) на самом деле не участвовал в Бородинской битве. Совершенно верно сказано в книге Насурдиновой, что в июле 1812 года Васильчиков был назначен шефом Вятского пехотного полка, который входил в состав Дунайской армии [1, с. 105–106]. Однако, согласно историческим данным, Дунайская армия под командованием адмирала [*не генерала, как в книге*] Чичагова выступила на соединение с 3-й Западной армией Тормасова. В сентябре обе армии объединились, и Чичагов стал главнокомандующим нового соединения, руководил преследованием Наполеона на территории Белоруссии и, вопреки версии Насурдиновой, не участвовал в Бородинском сражении, которое состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 года. Это нисколько не умаляет доблестных заслуг Н.В.Васильчикова, получившего в то время за отличие при нападении на неприятельский лагерь под Волковыском исключительно почетную награду – орден Святого Георгия 3 класса, и, как видим, нет никаких причин вводить читателя в заблуждение авторскими фантазиями [2].

Дальше читаем, что генерал-майор Ган «в середине июля 1812 года был призван на фронт» и «со своим полком в составе дунайской армии стал воевать против французской армады» [1, с. 126].

Состав Дунайской армии и списки командиров общедоступны, и генерал-майор Ган как командир некоего «своего» полка там не значится. Достоверно известно, что он не принимал участия в боевых действиях 1812 и 1813–1814 годов и потому не мог быть командиром Н.В.Васильчикова, участвовать и погибнуть в битве под Лейпцигом 4(16)–7(19) октября 1813 года. Генерал-майор Алексей Федорович Ган, а это его документально подтвержденное отчество вместо Августовича, принятого в ряде публикаций, в том числе Г.К.Насурдиновой, назначенный комендантом Каменец-Подольской крепости в 1801 году, оставался на своем посту до самой своей кончины по причине болезни в 1814 году [3].

В следующем 1815 году Н.В.Васильчиков действительно женился на вдове Елизавете Максимовне Ган, и в этом браке у них родилось двое детей – сын Николай и дочь Екатерина, но где и как состоялось их знакомство, история пока не знает.

Каменец-Подольская крепость, где окончил свой земной путь генерал Алексей Ган.
Рисунок Наполеона Орды (1862–1876)

Читая книгу, мы вдруг узнаем, что генерал Ган был «военным соратником генералиссимуса Суворова» [1, с. 34]. «Это тот самый отважный боевой товарищ русского полководца, – пишет Г.К.Насурдинова, – который, будучи уже генерал-майором, тонул вместе с молодым генералом князем Аркадием Александровичем Суворовым в горном потоке Рымник. Но тогда судьба отнеслась благосклонно к генералу Гану, быстрое течение горной альпийской [*на самом деле – карпатской*] реки вынесло его на мель, которая образовалась от осколков распавшейся скалы. Бойцы подобрали бездыханное тело генерала Гана и сумели в него вдохнуть жизнь...» [1, с. 120].

Ну что сказать? Диво дивное, чудо чудное... На самом деле бои при Рымнике происходили в 1789 году во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Аркадий Александрович Суворов родился в 1784 году и в 5 лет не мог быть ни генералом, ни участвовать в этом сражении. Вот что сообщается о единственном сыне Суворова в Русском биографическом словаре: «13 апреля 1811 года он утонул в той самой реке, на берегах которой его отец одержал одну из самых блестящих своих побед – в Рымнике; желая спасти своего утравшего кучера, он бросился в бурную речку, но повредил себе руку и не мог выплыть» [4, с. 90]. Комментарии, что и говорить, излишни...

Кроме того, в 1789 году Алексей Федорович Ган имел чин премьер-майора, а генерал-майором стал спустя десять лет, и громко назвать его «боевым товарищем» и «военным соратником» А.В.Суворова нельзя даже с большой натяжкой.

Сыновья генерала Алексея Гана

Точно так же Г.К.Насурдинова дезинформирует читателя, утверждая, что «всех шестерых детей суворовского генерала Алексея фон Гана – внуков по материнской линии князей Долгоруковых – обогрел и вывел в жизнь щедрый и влиятельный старинный род князей Васильчиковых» [1].

Как же так, дети генерала Гана «по материнской линии», т.е. по линии Елизаветы Максимовны Ган, – «внуки князей Долгоруковых»? Это совершенно исключено, поскольку ни генерал, ни его жена, ни их дети по своему происхождению не имели никакого отношения к роду Долгоруковых. В генеалогии, конечно, легко заблудиться, но ведь у автора были все возможности тщательно обдумать и проверить свою версию. Тем более, что далее Г.К.Насурдинова, противореча себе, пишет: «Елизавета Максимовна фон Ган происходила из немецкого эстляндского рода фон Пребстинг» [1, с. 123].

В своих воспоминаниях дед Е.П.Блаватской, Андрей Михайлович Фадеев, обращает внимание на то, что в семье Елизаветы Максимовны и генерала Гана было не шесть, а восемь детей. Благодаря нашим исследованиям их можно назвать. Это сыновья – Егор (1794/95–1845), Александр (1795/1796–до 1846), Петр (1798–1873) – отец Е.П.Блаватской, Густав (1800–1859) и Иван (1810–1889). И три дочери – Елизавета (в замужестве Маркова), Анна (в браке Розалион-Сошальская) и Эмилия (Амалия, в браке Каленская).

На самом деле связь Ганов с семьей Долгоруковых началась в 1830 году, когда сын генерала и Елизаветы Максимовны Петр Алексеевич Ган женился на Елене Андреевне Фадеевой, дочери княжны Елены Павловны Долгоруковой, в замужестве Фадеевой. Таким образом, дети не генерала Алексея Гана, в именно Елены Андреевны Фадеевой и Петра Алексеевича Гана – Елена Петровна Блаватская, Вера Петровна Желиховская и Леонид Петрович Ган – потомки, причем не внуки, а правнуки князя Павла Васильевича Долгорукова.

А.М.Фадеев, отец Елены Андреевны, вспоминая о браке дочери и родителях ее мужа, писал: «В этом году старшая моя дочь Елена вышла в замужество за Петра Алексеевича Гана, артиллерийского штабс-капитана, умного, отлично образованного молодого человека. *Отец его, тогда уже умерший, генерал-лейтенант, родом из Мекленбурга, принадлежал к старой дворянской немецкой фамилии, а мать, имея восемь человек взрослых детей, вышла вторично замуж за Н.В.Васильчикова, родного брата князя Иллариона Васильевича.* Мы с женою очень неохотно согласились на брак нашей дочери, по причине ее слишком ранней молодости, ей было всего шестнадцать лет; но я испытывал многократно в моей жизни, что того, что определено Провидением, никак нельзя предотвратить» [5, с. 107].

Этот фрагмент из воспоминаний А.М.Фадеева под видом несуществующего письма к его брату Г.К.Насурдинова приводит и в своей книге [1, с. 147], но фразу, выделенную курсивом, она отбрасывает. Причины понятны: в ней говорится об умершем, а не погибшем генерале Гане; здесь же упомянуты не шесть, а восемь его взрослых детей, которых якобы «вывел в жизнь род князей Васильчиковых», что тоже следует уточнить.

Достоверно известно, что к 1814 году, когда супруг Елизаветы Максимовны Ган умер, старшие сыновья, Егор и Александр, уже находились на службе в армии и даже принимали участие в Отечественной войне 1812 года [6]. Двое других, Петр и Густав, обучались в Пажеском корпусе, который окончили в 1815 и 1818 году, что подтверждается материалами по истории корпуса и списками его воспитанников [7]. То есть «вышли в жизнь» без участия Н.В.Васильчикова и тем более других представителей этой семьи. Положение в обществе и личные заслуги генерал-майора Алексея Федоровича Гана давали право его сыновьям на получение образования в элитном Пажеском корпусе. Когда Елизавета Максимовна вторично вышла замуж за Н.В.Васильчикова, при ней оставались лишь младший сын Иван и три дочери.

Однако Насурдинова Г.К. не может остановиться и продолжает фантазировать, когда мы читаем ее строки якобы из «автобиографии» Петра Алексеевича Гана: «В воинскую службу я вступил из дворян Лифляндской губернии, сын погибшего генерал-майора Алексея Августовича Гана, воспитанный генерал-лейтенантом Николаем Васильевичем Васильчиковым, Героем Отечественной войны, как родной сын в любви к Отечеству и семье...» [1, с. 144].

В списке литературы [1, с. 211, 212] источником этих сведений о П.А.Гане Г.К.Насурдинова называет:

Ган П.А. Автобиография. Днепропетровск, 1992.

Маркелова Л. Петр Ган. Днепропетровск., 2011.

Однако таких публикаций не существует. Начало цитаты – «В воинскую службу я вступил из дворян Лифляндской губернии» – автор взяла из материала о П.А.Гане на сайте Музейного центра Е.П.Блаватской и ее семьи в Днепропетровске (ныне г.Днепр, Украина), остальное без зазрения совести **сочинила сама** (!).

В Днепре, бывшем Екатеринославе, где в 1815–1834 годах проживала семья Фадеевых и родилась Елена Петровна Блаватская, был создан и открыт Музейный центр ее имени. Можно убедиться, что никакой «Автобиографии» П.А.Гана на сайте Музейного центра нет, а статья «Петр Алексеевич Ган», где лишь упоминается Маркелова Л., написана не мной и по праву принадлежит Музейному центру [8]. По этой причине считаю своим долгом выразить **протест против неправомерного использования моей фамилии в книге Г.К.Насурдиновой.**

Дом семьи Фадеевых в Екатеринославе (1815–1834), где выросла Елена Андреевна Ган и родилась ее дочь Елена Петровна Блаватская. Ныне Музейный центр Е.П.Блаватской и ее семьи (г.Днепр, Украина)

А.М.Фадеев и А.С.Пушкин

Весьма любопытно представляет читателям Г.К.Насурдинова и Андрея Михайловича Фадеева, деда Е.П.Блаватской, как «кишиневского приятеля» и «друга» А.С.Пушкина [1, с. 156], сделавшего «ценный вклад в Пушкиниану», чем «обессмертил свое имя» [1, с. 157]. Более того, оказывается, «Пушкин во время южной ссылки гостил в кишиневском и одесском домах дворян Фадеевых» [1, с. 160].

О реакции пушкинистов говорить не будем. Сам же Фадеев о приездах в Бессарабию к своему начальнику генералу И.Н.Инзову писал: «В Кишиневе Инзов всегда приглашал меня останавливаться у него в доме. Пушкин, в продолжение своей Кишиневской ссылки, тоже жил сначала у Инзова. Дом был не особенно велик, и во время моих приездов меня помещали в одной комнате с Пушкиным, что для меня было крайне неудобно, потому что я приезжал по делам, имел занятия, вставал и ложился спать рано, а он по целым ночам не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи» [5, с. 77]. Как видим, в Кишиневе Фадеевы не жили и собственного дома там не имели, а в Одессу А.М.Фадеев был переведен по службе в 1834 году, когда южная ссылка Пушкина давно закончилась.

Читаем дальше. «Спустя годы, – пишет автор «Аллей» о Фадееве, – титулярный советник [на самом деле – тайный советник] с теплотой описал в своих “Воспоминаниях” беседы с поэтом» [1, с. 156]. О чем они беседовали, Г.К.Насурдинова тоже сообщает, перекаривая воспоминания Фадеева под свое видение: «Такого благодарного слушателя, как столичный Александр Пушкин, я никогда в жизни более не встречал. Ему было абсолютно все интересно: и как ругались бабы – малороссийки, и как обзывались пожилые жидовки, и как пели и плясали румынки, как дрались мужики... Расспрашивал во что они были одеты, какие у разных народностей присутствовал быт, какую пищу подавали, угощая заезжего по случаю чиновника, то есть – меня. Но более всего поэта интересовали цыгане» [1, с. 156].

Ничего подобного А.М.Фадеев, естественно, никогда не писал. Зачем же Г.К.Насурдинова сочинила бестактную цитату и приписала ее Фадееву? Испортить его репутацию уже невозможно. Сейчас «Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева» находятся в открытом доступе и каждый желающий может их прочитать [9]. Знакомству с Пушкиным А.М.Фадеев посвятил мало строк, а в историю вошел как видный государственный и общественный деятель, автор исторических мемуаров, как воспитатель замечательных детей и внуков, наконец.

Воспоминания Фадеева впервые были опубликованы в журнале «Русский архив» в 1891 году, а затем изданы в Одессе отдельной книгой. В них он описал не «шумные и яркие события девятнадцатого века и жизни его современников», как считает создательница «Аллей», а прежде всего свою биографию и более чем 60-летний трудовой путь на фоне повседневных событий и жизни русского общества XIX века. «Где бы ни служил Андрей Михайлович Фадеев, куда служба его ни заносила, – говорится во вступительном слове к одесскому изданию, – везде он оставил по себе светлую, признательную память» [5, с. 6]. В колониях иностранных переселенцев Новороссийского края и Таврической губернии, в Астраханских степях, в Саратовской губернии и Закавказском крае, среди переселенцев русских и инородных, к которым вовсе не по случаю заезжал Фадеев, его имя произносилось с глубокой благодарностью за высокую справедливость, заботу и внимательность к их нуждам, за честность и бескорыстие.

Елена Павловна Фадеева

Полную неразбериху, в которой читатель окончательно запутается, Г.К.Насурдинова вносит в происхождение Елены Павловны Фадеевой, урожденной княжны Долгоруковой. Вот что она пишет о ее родителях: «Князь Павел Васильевич Долгоруков женился на барышне с родовитыми европейскими корнями. Это была Генриетта Адольфовна, происходившая из знатного французского рода де Бандре дю Плесси. “Отец – барон Адольф Ган [так в книге] приехал в Россию из Саксонии, получив приглашение от Екатерины II поступить на военную службу в чине капитана...” Единственная дочь Генриетта была необычайно красива и решительна в своих поступках. Надо отметить, что Генриетта, урожденная фон Неттинг [так в книге], была дочерью гугенота, которого власти Франции приговорили к заключению. Он скрылся сначала в Саксонии, затем приехал в Россию» [1, с. 152–153].

Чтобы внести ясность, придется вновь обратиться к воспоминаниям А.М.Фадеева. Генерал-лейтенант Адольф Францевич де-Бандре-дю-Плесси, отец Генриетты Адольфовны, «был по происхождению француз; фамилия его с титулом маркиза принадлежала к старому французскому дворянству... Дед его, сделавшись гугенотом, вынужденный удалиться из своего отечества во время религиозных гонений, поселился в Саксонии... Сам Адольф Францевич в ранней молодости служил в Саксонии в военной службе и, в чине капитана, по приглашению из России, перешел в российскую военную службу в начале царствования Императрицы Екатерины II» [5, с. 21]. Женат Адольф Францевич был на Елене Ивановне, урожденной Бриземан-фон-Неттиг, родом из Лифляндии [5, с. 20]. Как видим, некий «барон Адольф Ган» Г.К.Насурдиновой в роли отца Генриетты Адольфовны здесь совершенно не причем.

Читаем «Аллеи» дальше. В семье Павла Васильевича Долгорукова и Генриетты Адольфовны, – пишет Г.К.Насурдинова, – «родились дочки-погодки Елена и Надежда, Екатерина и сын Ростислав» [1, с. 153], – и опять делает грубую ошибку. Как известно, у Павла Васильевича Долгорукова были только две дочери: Елена Павловна (1788–1860), в замужестве

Фадеева, и Анастасия Павловна (1789–1828), замужем за А.В.Сушковым. Елена, Екатерина, Ростислав и Надежда, названные Насурдиновой, – дети Елены Павловны и Андрея Михайловича Фадеевых, внуки Павла Васильевича Долгорукова, они родились соответственно в 1814, 1819, 1824 и 1829 годах.

А вот еще один образец своевольного обращения с фактами на примере женитьбы Андрея Михайловича Фадеева и Елены Павловны Долгоруковой. В Киев, как пишет Г.К.Насурдинова, А.М.Фадеев попал после окончания войны 1812 года, куда перевели контору управления Огинского канала, в которой он служил. «На одном из шумных балов он встретил княжну Елену Долгорукову» и «несколько раз сватался к барышне». «Но князя Долгоруковы не давали согласия на брак, они считали, что чиновник Фадеев – выходец из мелкопоместной среды, его семья была в России незнатной» [1, с.154]. Тогда Елена Павловна заявила родителям, что «незамедлительно уйдет в монастырь. И родители, опасаясь потерять дочь, благословили этот неравный брак. Свадьба состоялась в Киеве в 1813 году. Многодневные гуляния начались с пышного венчания, а затем продолжились светскими балами, чередовавшимися веселыми вечерами, устроенными по старинке с богатейшими яствами на столах» [1, с.154–155].

Самое удивительное в этой истории то, что в церкви венчалась и «грозилась уйти в монастырь» не православная, а, как пишет о ней дальше Г.К.Насурдинова, «старорежимная, староверка по исповеданию» Елена Павловна Долгорукова [1, с. 186]. Доказывать абсурдность этой мысли нет никакого резона – религиозный брак староверов не признавался государством, а дети их считались незаконнорожденными. И это еще не последний сюрприз.

На самом деле, как рассказывает главный участник этого события А.М.Фадеев, в Киев он попал во время войны, куда перевели контору, спасаясь от наступления французов. Свободных квартир не хватало и вскоре его отправили на квартирование в местечко Ржищево, где он и познакомился с будущей женой Еленой Павловной. «Она жила там у бабушки своей, вдовы генерал-лейтенанта Елены Ивановны де-Бандре-дю-Плесси» [5, с. 20] и «была в то время в трауре по случаю смерти матери ее, княгини Генриетты Адольфовны, в 1812 году» [5, с. 23]. Отец же, Павел Васильевич Долгоруков, давно расставшийся с женой, проживал в небольшом имении в Пензенской губернии [5, с. 22]. Сватаясь, А.М.Фадеев действительно поначалу встретил большое сопротивление, но со стороны не родителей невесты, а бабушки. У нее было маленькое состояние. Отец Елены Павловны тоже находился в стесненных обстоятельствах, живя почти одной пенсией. Сам Андрей Михайлович получал в то время небольшое жалованье. «Но любовь бабушки к внучке, объявившей, что если она брак со мною не благословляет, – пишет А.М.Фадеев, – то она не станет противиться воле ее, но уже ни за кого в мире никогда не выйдет замуж, преодолела ее несогласие» [5, с. 23]. Брак совершился в домашней церкви их родственницы, помещицы Е.М.Селецкой 9 февраля 1813 года [5, с. 23–24], без «многодневных гуляний» и «светских балов с богатейшими яствами на столах».

Ржищево

Много внимания автор «Аллей» уделяет Ржищеву, называет его «богатейшей усадьбой Долгоруковых-Фадеевых» [1, с. 198] и щедро наделяет «многолюдными селами, плодородными пашнями и густыми лесами недалеко от Киева» [1, с. 152]. Оказывается, Ржищево стало приданым княжне Елене Павловне Долгоруковой [1, с. 177], «после войны 1812 года в имении Ржищеве... длительное время пребывали будущие декабристы» [1, с. 198], что на самом деле имело бы печальные последствия для хозяев усадьбы. Оказывается, «пока были живы» Н.В.Васильчиков и его жена Елизавета Максимовна, «усадьбы Выбити и Ржищево соединяли родственные связи с многочисленными визитами и шумными гостями» [1, с. 198]. Оказывается, «дворец» в Ржищеве не сохранился до нашего времени, но «кто-нибудь из местных жителей обязательно поведаст о славном роде Долгоруковых-Фадеевых» и проведет по «чудом сохранившемуся роскошному княжескому парку», который помнит «писательницу Елену Фадееву, ее маленьких дочерей и ее знаменитого племянника Сергея Витте...» [1, с. 177].

Вот такая фантазия обуяла автора «исторической повести»... Но в реальной жизни Выбити и Ржищево ничего не связывало. Настоящую историю городка Ржищево и его настоящих владельцев рассказал А.М.Фадеев. Она начинается опять же с Адольфа

Францевича де-Бандре-дю Плесси, который около 1790 года вышел по болезни в отставку и поселился в своем имении Низки в Могилевской губернии [5, с. 21]. После его смерти в 1793 году бывшие владельцы усадьбы начали с вдовой Еленой Ивановной де-Бандре незаконный и несправедливый процесс, вследствие чего в 1796 году она вынуждена была оставить это имение и переехать в Киев [5, с. 21]. Часть своего небольшого капитала Елена Ивановна де-Бандре употребила на переезд и покупку дома в Киеве, а потом, как тогда выражались, «на взятие во владение аренды в местечке Ржищеве в заклад (по-польски: в заставу), состоявшей в доме с участком земли и несколькими крестьянами» [5, с. 20]. Местечко Ржищево принадлежало тогда графине Дзялынской. «Через несколько лет по переезде Елены Ивановны де-Бандре в Ржищев помещица графиня Дзялынская выкупила заложенное ей имение, но, по доброму расположению и дружбе к Елене Ивановне, предоставила ей по смерти жить в местечке Ржищеве и пользоваться безвозмездно домом с участком земли» [5, с. 22]. В 1815 году, когда А.М.Фадеев был назначен членом новороссийской конторы иностранных поселенцев, семья, включая бабушку Елену Ивановну, переехала в Екатеринослав. На этом история Ржищева для Фадеевых заканчивается.

Наполеон Орда. Ржищев, Тринитарский костел Святой Троицы, вторая половина XIX века

Немного о титулах

Род, к которому принадлежал генерал-майор Алексей Федорович Ган, в России официально не имел баронского титула. Если в «Общем гербовнике Российской империи» посмотреть сопроводительный текст и герб Августа Гана, которого Г.К.Насурдинова, как и некоторые другие исследователи, называет отцом Алексея Гана, то можно заметить, что Август Ган, пожалованный на дворянское достоинство 20 декабря 1791 года, не величается ни бароном, ни с приставкой «фон» [10, с. 129]. Отсутствие титула подтверждается также списками титулованных родов Российской империи [11].

Немало пришлось бы удивиться Е.П.Блаватской, узнав, что в XXI веке в книге Г.К.Насурдиновой она стала «баронессой Еленой Ган» [1, с. 182], а в Европу уехала «как молодая красивая пани Блаватская, представительница древнего знатного рода польской шляхты» и «в европейских столицах, в варшавских, парижских, петербургских светских салонах» ей очень понравилось, «когда к ней обращались, именно так: “Пани Блаватская”» [1, с. 186].

Сама же Елена Петровна, по свидетельству родных, с детских лет «явно проявляла безразличие к “благородности” происхождения» [12, с. 29]. Она вышла замуж за Н.В.Блаватского, уроженца Полтавской губернии, который, по ее же словам, происходил из аристократического украинского рода [13, с. 316–317], и отзывалась об этом так: «В письмах, написанных по-французски, мы добавляли de к своей фамилии – как благородные. Если же фамилия писалась по-немецки, то добавляли von. Мы были и мадемуазель de Nan и von Nan. Мне это не нравилось, и я никогда не ставила de к фамилии Блаватского, хотя он и был знатного происхождения; его предок, гетман Блаватко оставил две ветви – Блаватских в России и Графов Блаватских в Польше» [14, с. 9], однако «этот патриарх после моей разлуки с ним совершенно исчез с поля моего зрения и из моей памяти» [14, с. 27–28].

Елена Андреевна Фадеева

Немало страниц своей книги Г.К.Насурдинова посвятила вымышленному приезду Петра Алексеевича Гана с женой Еленой Андреевной и детьми «на лето – в усадьбу Выбити» в мае того года, «когда не стало Пушкина» [1, с.161–170]. Исследуя семейные связи Васильчиковых, она якобы нашла «в одном из архивов в Санкт-Петербурге» дневник Елены Фадеевой, где упоминалось «волшебное-блаженное лето», проведенное в Выбити. А потом «обнаружила почтовую открытку», адресованную Николаю Васильевичу и Елизавете Максимовне Васильчиковым в том же 1837 году, с благодарственными словами «за нежный и сердечный прием» [1, с. 41–42].

Обнаружение дневника Е.А.Фадеевой само по себе стало бы сенсацией для исследователей жизни Е.П.Блаватской, которые давно ведут работу в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Но сразустораживает то, что автор не воспользовалась столь ценным источником о жизни Фадеевых и Ганов, упомянув только одну запись о посещении усадьбы Васильчиковых. Вроде и поверить можно этой фантазии, да только в то время Елена Андреевна была уже семь лет замужем и носила фамилию Ган. Да первая почтовая открытка появилась в Европе лишь тридцать лет спустя в 1869 году, а в России еще позже (!). И конечно, мемуары А.М.Фадеева окончательно рассеивают этот туман над аллеями парка Васильчиковых.

Действительно, еще зимой 1837 года в Петербург, где в то время служил П.А.Ган и пребывала его семья, приехал из Астрахани отец Елены Андреевны А.М.Фадеев, оставался там до весны, а потом, как он вспоминал, было вот что: «Я выехал восьмого мая с дочерью Екатериной, взяв с собою и старшую дочь мою [Елену Андреевну Ган] с ее двумя маленькими дочерьми... <...> 26-го мая мы все вместе поехали в Астрахань водою на больших лодках. Пробыв в Астрахани две недели, мы отправились опять все вместе 9-го июня в Пятигорск...» [5, с. 129–130]. Пробыв на водах до сентября, Елена Андреевна затем отправилась к мужу в Курскую губернию, где квартировал его полк. Вот вам и «волшебное-блаженное лето», проведенное в Выбити...

Говоря с чрезмерным пиететом практически обо всех своих персонажах, Елену Ган Г.К.Насурдинова изобразила как избалованную, самовлюбленную барышню, «зачитывающуюся французскими романами» [1, с. 146], привыкшую с детства «к многолюдной прислуге, моментально исполнявшей все ее причуды и капризы» [1, с. 149]. Приехав якобы в Выбити, «молодая мама Елена постоянно капризничала из-за выбора своих нарядов, причесок» [1, с. 167] и совсем не занималась детьми.

Давая такую характеристику, автор явно просчиталась и не учла уже опубликованные материалы, посвященные жизни и творчеству Е.А.Ган и представляющие ее образ совершенно в другом свете. Елена Андреевна выросла в прогрессивной дворянской семье, где разностороннему образованию и серьезному воспитанию придавалось первостепенное значение. Мать ее, Елена Павловна Фадеева, была одаренной и эрудированной женщиной и воспитывала своих детей, а потом и внуков с заботливостью высоко сведущей, просвещенной наставницы. Вся необычная атмосфера дома Фадеевых, проникнутая любовью к искусству и наукам, способствовала тому, что Елена Ган рано почувствовала интерес к поэзии, литературе, музыке, стремление к творчеству. Музыка, которую она очень любила и даже сочиняла сама, всегда наполняла ее жизнь. Выйдя замуж, Елена Андреевна без посторонней помощи выучилась немецкому, итальянскому и английскому языкам, а когда родились дети, нашла в

них цель и смысл своей жизни. Даже на свой литературный дар Елена Андреевна смотрела как на возможность дать лучшее воспитание своим детям и образование выше средств, доступных их состоянию.

А теперь мы узнаем, чему же посвятила, по мнению Г.К.Насурдиновой, свои литературные труды Елена Ган. Ее интересовало «положение женщин в России. Как преодолевают трудности в жизни, будь это учительница или гувернантка в богатом доме. Офицерская жена, супруга вальяжного чиновника, селянка или торговка в лавке...» [1, с. 148]. Чтобы познать жизнь, автор «Аллей», как и положено, отправляет свою героиню «в люди», чтобы поговорить «у храмов с нищенками, торговками и прислугой». «И все эти новые познания, полученные через эмоциональное восприятие окружающего мира, стало [так в книге] огромным богатством, для нее, как прозаика» [1, с. 151]. «Увлекательная проза Елены, написанная необычайно лирично, – пишет Г.К.Насурдинова, – поражает читателя своими фантастическими сюжетами, в которых действуют реальные герои из окружающего повседневного мира. Это молодые и старые барыни, их слуги, крестьяне, солдатки, торговки и нищенки...» [1, с. 159].

А вот как, по Насурдиновой, «рождались рассказы и новеллы» Елены Ган: «Она могла, испив чашечку кофе, не вставая из-за стола, просидеть целый день с пером в руке» [1, с. 148]. Затем «отсылала свои творения в столичные и местные городские журналы. И вскоре литературное общество в России заговорило о новой писательнице» [1, с. 148]. А когда появилась первая повесть Е.Ган, «столичные журналы заказывали ей рассказы и новеллы на острую проблему общества – о женских правах» [1, с. 150].

Лучшим ответом на «сверхоригинальные» мысли автора «Аллей» послужит рецензия В.Г.Белинского на «Сочинения Зенеиды Р-вой». Прежде всего он отмечает главное достоинство повестей молодой писательницы, – их мысль, их пафос. «Что же составляет пафос повестей Зенеиды Р-вой? – спрашивает Белинский. – Без сомнения, *любовь*, ибо все ее повести основаны исключительно на одном этом чувстве. <...> ...Мало сказать, что любовь составляет пафос повестей Зенеиды Р-вой: надо прибавить – *любовь женщины*. Все повести этой даровитой писательницы проникнуты одним страстным чувством, одною живою идеею, одним могучим созерцанием, ...которое можно выразить такими словами: *как умеют любить женщины и как не умеют любить мужчины*. Итак, основная мысль, источник вдохновения и заветное слово поэзии Зенеиды Р-вой есть апология женщины и протест против мужчины» [15, с. 252]. Именно такие писатели, возвысившиеся до мысли, говорит Белинский, к тесному кругу которых принадлежит Зенеида Р-ва, имеют право на общее внимание, а русская литература по праву может гордиться ее именем и ее произведениями [15, с. 263, 269].

Никаких рассказов и новелл, как известно, Е.А.Ган «в столичные и местные городские журналы» не отсылала, и столичные журналы не «заказывали ей рассказы и новеллы о женских правах». В собрание сочинений Е.А.Ган, впервые изданное в 1843 году, вошли все ее одиннадцать повестей, две из которых опубликованы уже после смерти. Эти произведения написаны ею всего за шесть неполных лет и свидетельствуют о напряженной работе писательницы. Первая повесть Е.А.Ган «Идеал» появилась на страницах «Библиотеки для чтения» в 1837 году во время пребывания ее семьи в Петербурге, куда Петр Алексеевич Ган был командирован по службе.

Даже этот известный по воспоминаниям А.М.Фадеева и другим источникам факт автор «Аллей» объясняет якобы «хронической болезнью» Елены Андреевны, которую муж специально отвез в Петербург. И трактует в своей обычной манере: «Там всеильные родственники дворяне Васильчиковы и бароны Ганы... Ее показывают лучшим врачам. Лечение помогает. И Елена Ган с головой уходит в светскую жизнь» [1, с. 159]. Ее принимают «как в литературных, так и светских кругах, ведь у нее были влиятельные, знатные и богатые родственники» [1, с. 159]. Она всегда «мечтала о столице... Страстно хотела возвращаться в литературных кругах, посещать светские салоны... Будущая жизнь ей представлялась огромным дворцом, вот она переступит его порог, и ее вновь пригласят на головокружительный радостный вальс...» [1, с. 151].

Без всякого сожаления можно констатировать, как сильно обманулась Насурдинова в своих измышлениях. Напротив, Петербург, принес Елене Андреевне Ган множество эстетических удовольствий. Прогулки по окрестностям города, по Неве и островам, поездки в Царское Село, в Петергоф и Кронштадт доставили ей много незабываемых часов, которые она

не уставала описывать в письмах к своим близким. Одним из лучших удовольствий для нее стали выставки картин и посещение оперы. Елена Андреевна всегда считала, что музыка не только развлечение, но и лучшее утешение в этой жизни после религии. Ее письма из Петербурга наполнены описанием картин, увиденных на выставках и в Эрмитаже, описаниями храмов, их величия, святыни и победных трофеев [9].

Случайное знакомство с О.И.Сенковским, редактором «Библиотеки для чтения», пробудило в Елене Андреевне стремление к литературной деятельности и стало поворотным моментом в ее творческой жизни. Вскоре после публикации повести «Идеал» уже в первых номерах журнала за 1838 год вышла ее вторая повесть «Утбалла». По свидетельству сестры Елены Андреевны, Екатерины Фадеевой, она долго не решалась отдать первую свою рукопись в печать и более всего желала, чтобы ее настоящее имя навсегда осталось неизвестным. О том, насколько положение женщины-писательницы и любопытство публики тяготило Е.А.Ган, как чужды были для нее мишурный блеск и шум светской жизни, известно не только по отзывам родных, но также из ее собственных писем и произведений. Даже Белинский отмечал, что «она была чужда печатного самолюбия, и только внешняя необходимость заставляла ее печататься. “Без этой необходимости (писала она к одному из своих знакомых) ничто не принудило бы меня броситься в этот омут и взять на себя несносное звание женщины-писательницы”». Опытность, приобретенная ею в прежних литературных ее сношениях, особенно делала для нее отвратительным омут печатной известности: это мы знаем из ее собственных писем» [15, с. 269].

Елена Андреевна Ган умерла в ранней молодости, но оставила по себе не только память талантливой романистки, но и глубокое уважение к своим душевным качествам и нравственным достоинствам у всех, знавших ее лично.

«В укромных уголках парка Васильчиковых»

Немало «тайн» автор «Аллей» пристроила в «укромных уголках княжеского парка». Покажем, к примеру, прием подмены исторических фактов через смешение событий прошлого, настоящего и будущего. На одной из страниц Насурдинова Г.К. приводит любопытный рассказ о свадебном путешествии некоего князя Николая Васильевича Долгорукова и Екатерины Дмитриевны Голицыной, обвенчавшихся 30 октября 1821 года. Они будто бы объехали своих родственников: побывали в Киеве у генерал-губернатора князя Иллариона Илларионовича Васильчикова, в Ржищеве у Фадеевых, т.к. Елена Павловна Фадеева якобы приходилась тетушкой Н.В.Долгорукову, в Крыму в имении директора Эрмитажа А.А.Васильчикова и усадьбе Голицыных, в Диканьке у М.В.Кочубей [1, с. 100].

По правде говоря, отец И.И.Васильчикова Илларион Васильевич получил титул князя только в 1839 году. И называть его потомство князьями в данном случае преждевременно. И.И.Васильчиков родился в 1805 году, в 1821 ему было всего 16 лет, а киевским генерал-губернатором он стал в 1852 году. То есть этот пункт свадебного кортежа отпадает.

Родство Елены Павловны Фадеевой и Н.В.Долгорукова настолько отдаленное, что общий предок затерялся где-то в веках, и называть ее тетушкой Н.В.Долгорукова нет никаких оснований [17, с. 86–109]. Читатели действительно могут подумать о близком родстве. О Ржищеве уже сказано, но повторим, что Фадеевы в то время жили в Екатеринославе. И, как следует из воспоминаний А.М.Фадеева, в 1821 году у них родилась дочь Анастасия, которая умерла осенью или зимой того же года, когда А.М.Фадеев совершал деловые поездки.

Александр Алексеевич Васильчиков, будущий директор Эрмитажа, которого «навестили молодожены», в 1821 году еще не появился на свет. Он родился в 1832 году, а директором Эрмитажа служил в 1879–1888 годах. Что касается Марии Васильевны Кочубей-Васильчиковой, то трудно представить, что она при наличии дачи в Царском Селе, где запросто бывали императоры, предпочла прозябать в Диканьке в зимний несезон, когда весь свет съехался после лета в столицу, а ее супруг В.П.Кочубей, министр внутренних дел, был занят делами по службе.

Примечательно, что автор «Аллей» вводит в сюжет не только «нерожденные», но и «мертвые души». Так, подробно описывая рождественский бал в Тифлисе, на котором будто бы присутствовала Е.П.Блаватская, она утверждает, что «бал давал Евграф Федотович Комаровский» [1, с. 184] и даже предлагает узнать о жизни Фадеевых из его мемуаров

[1, с. 178]. Однако генерал Е.Ф.Комаровский в Тифлисе никогда не служил, он скончался в 1843 году, когда семья Фадеевых вместе с детьми П.А.Гана проживала в Саратове и о Тифлисе не помышляла. Записки графа Е.Ф.Комаровского находятся в свободном доступе, и каждый может убедиться, что Фадеевы в них не упоминаются [18].

Не меньше удивят нас и нравы светского общества, описанные в книге. Читаем, к примеру, как встречала Елизавета Максимовна Ган братьев Васильчиковых, прибывших в Каменецкую крепость, чтобы «исполнить обязательство» перед «погибшим генералом Ганом». Во время вечера, устроенного в честь гостей, Елизавету Максимовну просили спеть: «Пение поразило Николая Васильевича, он просто поглощал взглядами молодую стройную женщину с длинными, чуть ли не до пят распущенными белокурыми вьющимися волосами» [1, с. 129]. Или сцена знакомства Петра Алексеевича Гана с Еленой Фадеевой: «Одетая в небесно-голубую горжетку, отороченную белым соболем, в белоснежной меховой шапочке, из-под которой ниспадали водопадом темные волосы, барышня была похожа на нереальную сказочно-красивую фею. <...> ...Капитан Ган опередил сослуживцев, смело подошел к родителям девицы, щелкнув каблуком, представился. А затем, не мешкая, предложил руку юной гостье, пройти за стол. Опешившие родители и слова-то не смогли высказать. Дочь села рядом с незнакомым капитаном» [1, с. 145].

Надо понимать, что в светском обществе требовалось безукоризненное воспитание, хорошие манеры и никакие вольности не дозволялись. Пристальное разглядывание человека, тем более дамы, считалось неприличным и даже оскорбительным. Определенные требования предъявлялись и к внешнему виду. Если девушка могла показаться на людях с открытой головой, то дама непременно должна была носить шляпу или иной головной убор даже в помещении. Всеми светскими отношениями незамужней девушка руководил ее отец и послушаться его было недопустимо. Игнорирование этикета считалось дурным тоном и нарушителям выражалось презрение.

А вот фрагмент из замужней жизни Елены Андреевны Ган: «Офицерская жена обычно жила часто в разлуке с мужем. Капитан Петр, будучи на службе, получал дальние командировки. Уходил в длительные военные походы, участвовал в кровопролитных сражениях. Однажды Елена прождала возвращения мужа с балканской войны около двух лет...» [1, с. 148].

Елена Андреевна Фадеева вышла замуж в 1830 году, а в 1842 ее не стало. Если бы Г.К.Насурдинова обратилась к истории, то узнала бы, что никакой «балканской войны» за эти годы не происходило. П.А.Ган участвовал только в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов еще до женитьбы и Польской кампании 1831 года сразу после женитьбы. Так сложилось, что время его армейской службы пришлось на относительно спокойный период, на Кавказе он не служил и в военных действиях не участвовал.

Заглянем и в «уголок» повествования, посвященный М.Ю.Лермонтову, погибшему в Пятигорске летом 1841 года, когда, как пишет Насурдинова, «вся думающая часть России переживала гибель гениального поэта», а «Елена своими добрыми ласковыми письмами утешала своих кузин, приятельниц и подруг Лермонтова. А потом, принимая их в Пятигорске, старалась облегчить их горе» [1, с. 174].

В Пятигорске, как известно, Елена Андреевна Ган побывала всего два раза в 1837 и 1838 годах. Летом 1840 года во время поездки к родителям в Саратов у нее родился сын, весной 1841 года она вернулась к мужу в деревню, где стоял его полк, и в Пятигорск не выезжала. Отметим также, что сына звали Леонидом, но не Ростиславом, как вновь ошибается Г.К.Насурдинова [1, с. 178].

Приметным «уголком» парка Васильчиковых становится не только путаница имен, но и родственных связей потомков Н.В.Васильчикова, родные дети которого в браке с Елизаветой Максимовной Ган Николай и Екатерина, оказывается, «стали ближайшими родственниками генерала Брусилова», поскольку «двоюродная сестра Екатерины и Николая – Надежда, дочь тети-писательницы Веры Желиховской – вышла замуж за... Алексея Алексеевича Брусилова» [1, с. 201]. То же сказано и о Сергее Юльевиче Витте, родном племяннике Елены Андреевны Ган, будто он приходился детям Н.В.Васильчикова «Екатерине и Николаю двоюродным братом» [1, с. 203].

На самом деле Екатерина и Николай Васильчиковы, дети от второго брака матери Петра Алексеевича Гана, были его сводными (единоутробными) сестрой и братом, и, таким

образом, его дочь Вера и внучка Надежда Желиховские никак не могут считаться их тетей и двоюродной сестрой. Аналогично С.Ю.Витте, родной племянник жены П.А.Гана Елены Андреевны, не приходился двоюродным братом детям Васильчикова.

И, наконец, еще один перл: «...После революционных событий генерал Алексей Брусилов перешел на сторону большевиков и стал маршалом Красной армии» [1, с. 201].

В русской истории сохранилось немало имен замечательных военных полководцев. Достойное место среди них занимает и генерал Алексей Алексеевич Брусилов. Потомственный военный, А.А.Брусилов прошел путь от воспитанника Пажеского корпуса до верховного главнокомандующего. С его именем связана одна из блестящих операций Первой мировой войны – «Брусиловский прорыв». После революции 1917 года генерал А.А.Брусилов остался в России, служил в Красной армии и скончался в 1926 году, а звание маршала в СССР введено в 1935. Зачем же автору «Аллей» понадобилось что-либо менять в богатой биографии легендарного полководца, остается загадкой.

Елена Петровна Блаватская

Казалось бы, «углубляясь в аллеи парка Васильчиковых», уже можно привыкнуть к неожиданностям. Но нет. Читаем, что пишет автор о Елене Петровне Блаватской, и здесь нас ждет немало сюрпризов. Во-первых, понятно, что Г.К.Насурдинова даже не пыталась разобраться в ее сложной биографии или оценить характер и масштаб ее деятельности. «Ссылаясь на авторитетные источники», она называет Е.П.Блаватскую «окультистом и спиритуалистом, теоретиком медиума и философии (!)», «ученым-религиоведом» [1, с. 187] и одновременно «чародейкой-фокусницей, веселой шарлатанкой и “шаловливой колдовкой”» [1, с. 169]. «О чудных дарованиях Еленочки напишет ее двоюродный брат» С.Ю.Витте. «Ему уж-то мы не сможем не поверить. Это будущий министр финансов, а затем и премьер-министр России» [1, с. 169]. Однако как раз С.Ю.Витте крайне скептически относился к способностям Елены Петровны и в его «Воспоминаниях» содержится большое количество необъективной информации о Е.П.Блаватской.

Одним словом, писательницу «Аллей» устроило все, что она вычитала о Елене Петровне, что попало под руку, и без всякого стеснения она разукрасила жизнь «баронессы Елены Ган» [1, с. 182] чудесами и выдумками собственного производства. К примеру, в Выбити, где, как выяснилось, Елена Петровна никогда не бывала, она так «напугала» свою бабушку Елизавету Максимовну, что бабушка стала наблюдать за девочкой, пытаясь «угадать, может, действительно к ней перешли какие-то чары ее далекой-далекой прапрапрабабки, сожженной на костре в Кельне... в пятнадцатом веке» [1, с. 168]. И это не последний сюрприз.

Как заметил один из героев рассказа Герберта Уэллса «Человек, который мог творить чудеса», которого поражали феномены Магомета, йогов и госпожи Блаватской, такая способность «есть особый дар, особенное свойство, вроде гениальности или ясновидения. <...> Здесь мы проникаем в тайны более глубокие, чем обыкновенные законы природы» [19, с. 141–142]. Так это пишет классик другой – научной – фантастики. Права была биограф Блаватской Е.Ф.Писарева, когда писала о Елене Петровне, что ее «необыкновенная физическая организация, проявлявшая такие силы, которые у огромного большинства людей находятся еще в скрытом состоянии, настолько опередила тип современного интеллигентного человека, что разгадать ее вполне и безошибочно определить ее свойства будет в состоянии лишь психология будущего» [20, с. 22].

Обращает на себя внимание и такой фрагмент. «Елена, еще будучи озорным подростком, удивит отдыхающих в утонченных салонах Пятигорска... – импровизирует Г.К.Насурдинова. – Удивит и на спиритических сеансах, вызывая духи древних поэтов, писателей, философов... Зрителей будет поражать богатая эрудиция юной барышни, ее философские рассуждения и умозаключения о бытии [так в книге] человеческом, о законах природы, о связи традиционных религий, которые по мнению девочки имеют один общий корень... А потом, спустя годы милыми-милыми фокусами шестнадцатилетняя Елена будет веселить светское общество в Тифлисе» [1, с. 182].

Самое поразительное здесь – это небрежность, с которой Г.К.Насурдинова так легкомысленно бросает мудрость и знания, ставшие основой жизни Е.П.Блаватской и деятельности созданного ею Теософского общества, под ноги веселящейся публики вместе с

«милыми фокусами». Елена Петровна Блаватская действительно была необыкновенным человеком, богато одаренным и талантливым. Она много путешествовала по разным странам и континентам, а в 1875 году в США основала Теософское общество, задачи которого состояли в создании ядра всеобщего братства человечества без различия расы, вероисповедания, пола или цвета кожи, в изучении древних и современных религий, философий и наук, в исследовании непознанных законов природы и скрытых сил человека. Теософию, что в переводе с греческого означает «Божественная Мудрость», Е.П.Блаватская определяет как сущность и основу всех мировых религий и философий, а Теософское общество как чисто философское и научное, «никоим образом не религиозное и не сектантское» [21, с. 180]. «Наше дело только философски-нравственно-научное, – отмечала она. – Мы добиваемся *правды* во всем. Мы стремимся к достижению возможного человеку духовного усовершенствования» [21, с. 179].

Теософское общество стало одним из главных каналов ознакомления Запада с философией Востока. Е.П.Блаватская внесла неоценимый вклад в сокровищницу мировой мысли и повлияла на формирование нового научного мировоззрения, определившего современный этап эволюции человечества. Знаменитые труды Е.П.Блаватской «Разоблаченная Изида» и «Тайная Доктрина» оказали существенное влияние на умы ее современников, вдохновили выдающихся ученых, деятелей культуры и искусства.

Что же касается вызывания духов, то есть веры в общение живых с мертвыми, – «это не что иное, как материализация духа и деградация человеческой и божественных душ, – поясняла Е.П.Блаватская. – Верующие в подобные сношения просто бесчестят умерших и постоянно кощунствуют. В древности это справедливо называлось “некромантией”» [22, с. 375]. Большинство людей, окружавших Е.П.Блаватскую в то время в Америке, были заинтересованы явлениями спиритизма. Чтобы доказать, что эта теория основана на заблуждениях, Елена Петровна примкнула к ним и писала впоследствии: «Мы выступали не против тех, кто добивается истинных знаний, связанных с психическим, духовным планом, и не против просвещенных спиритуалистов, а против феноменалистов низшего порядка – слепых почитателей иллюзорных фантомов умерших людей. Мы вели борьбу за Истину и за весь мир, который вводят в заблуждение феноменалисты» [21, с. 188].

Отметим и такой момент. Свои книги, как рассказывает Г.Насурдинова, Елена Петровна Блаватская «писала на русском, французском, немецком, арабском, хинди и фарси языках. Затем сама же переводила свои произведения на английский» и «могла общаться на сорока языках народов мира...» [1, с. 188].

Этой легенде уже много лет. В одном из писем своему сотруднику А.П.Синнетту, который собирал материал для ее биографии, Е.П.Блаватская сообщала, что в 1885 году в Лондоне вышла книга «Женщины эпохи: Биографический словарь выдающихся современниц». О Елене Петровне там сообщалось, в частности, следующее: «Будучи еще совсем юной девушкой, госпожа Б[лаватская] изучала языки и *выучила не менее 40 европейских и азиатских языков и диалектов...*» [13, с. 417]. «Не нужен ли Вам флакон с нюхательной солью?» – спрашивала Синнетта по этому поводу Елена Петровна и продолжала: «Посмотрите, пожалуйста, верны ли это сообщение и перевод; а потом можете разрекламировать меня как новое воплощение кардинала Меггофанти с еще двадцатью двумя языками... в дополнение к тем, которые он знал, так как, помнится, их было восемнадцать. <...> Меня тошнит от всего этого. Ваша Е.П.Блаватская, “сорокоязычица”» [13, с. 417–418]. Прекрасный ответ Г.К.Насурдиновой, не правда ли?

А вот еще одна диковинка из «парка князей Васильчиковых»: «Елена Блаватская, воспитанная, как родная внучка, а потом и во взрослых годах жившая на средства, оставленные отцу, полковнику Петру фон Гану, богатейшим землевладельцем Российской Империи генералом Николаем Васильевичем Васильчиковым, умерла в старости в полном одиночестве в Лондоне. Рядом с ней не было ни близких друзей с Родины, ни родных... Детей так она и не завела» [1, с. 189].

Известно, как много клеветы и небылиц о Е.П.Блаватской распространялось еще при ее жизни, но наш век удивляет, пожалуй, не меньше. Никаких аргументов в свою пользу автор «Аллей» не приводит, да и не может привести. В своей книге Г.К.Насурдинова обещала познакомить читателей с необычайно богатой событиями судьбой Николая Васильевича Васильчикова. Но, по сути, повторила лишь краткие сведения из интернета, а в остальном

положилась на собственную фантазию: если нет зафиксированных фактов и доказательств, значит, их можно придумать. Убери главную «изюминку» сочинения – посещение семьей П.А.Гана усадьбы Выбити – и книга не состоится. Нужно только почаще повторять имя Васильчикова, чтобы он не остался на последних ролях. Отсюда и появляются «ценные факты» типа того, что Е.П.Блаватская «взросла и жила на чужих хлебах».

Как бы ни пыталась Г.К.Насурдинова навязать свою версию, отрицать тот факт, что Елена Петровна выросла и воспитывалась в своей семье, а после смерти матери в доме родного деда А.М.Фадеева, где была обеспечена во всем, невозможно. В странствиях по разным континентам ей приходилось самой зарабатывать себе на жизнь. Она никогда не располагала большими средствами и жила очень скромно, чему биографы приводят немало свидетельств. Тот период жизни Е.П.Блаватской, который она провела в Америке, Индии и Европе имел такое множество свидетелей – единомышленников и учеников, постоянно окружавших ее, что его можно проследить день за днем. Вот строки из письма Е.П.Блаватской сестре В.П.Желиховской, написанного в 1890 году: «Как видишь, я в Брайтоне, куда меня послали врачи дышать океаническими испарениями Гольфстрима... <...> Это очень дорогое место; а денег у меня – пшик! Поэтому мои эзотеристы тотчас же собрали деньги и уговорили меня поехать. И теперь субсидии на мое лечение текут со всех концов света; некоторые даже без подписи, просто адресованы мне. Америка особенно щедра, так что, право слово, мне неловко...» [23, с. 477].

После отдыха здоровье Елены Петровны окрепло, но ненадолго. Она знала, что времени у нее осталось мало, и писала сестре: «И все же есть у меня одно утешение: мои теософы не жалеют на меня ни сил, ни времени, ни денег. Прежде я полагала, что они без меня ни на что не способны, вообразили меня кладезем мудрости и носят со мною, как с диковинной заморской драгоценностью. А теперь вижу, что ошибалась: многие из них просто любят меня, словно мать родную» [24, с. 672].

Лондон, 1888 год

На переднем плане: Е.П.Блаватская с сестрой В.П.Желиховской.
Стоят: супруги Вера (племянница Е.П.Блаватской) и Чарльз Джонстон,
полковник Генри Олькотт

Елена Петровна Блаватская ушла из жизни в расцвете творческих сил, прожив всего 60 лет. Она могла сделать гораздо больше, но так распорядилась судьба. Это случилось 8 мая

1891 года. Е.П.Блаватская скончалась не в кровати, а сидя за рабочим столом, за которым столько трудилась на пользу науки и дела, в которое вложила всю свою душу. Теперь 8 мая – день ухода из жизни основательницы Теософского движения Елены Петровны Блаватской – отмечается во всем мире как День Белого Лотоса.

«Дайте дописать роман до последнего листочка»

Самый большой сюрприз – сказ о фантоме-хранителе парка князей Васильчиковых – Г.К.Насурдинова приберегла для «последних листочков романа». Побывав в усадьбе Выбити, она будто бы услышала от местных старушек легенду о «хозяйшкe парка», которая «покажется и тут же исчезнет», мол, «девочка лет пяти-шести поселилась в парке» и «охраняет его». Наслушавшись диковинных рассказов, автор и сама «начала верить в это чудо-привидение»: «Значит, была такая девочка в княжеской усадьбе. Умерла...» [1, с. 39]. И начала она изучать родословную дворян Васильчиковых и не нашла такой умершей девочки. А когда неожиданно-негаданно объявился «дневник Елены Фадеевой» вместе с «почтовой открыткой, адресованной Васильчиковым», дело сладилось. «Я стала исследовать ее биографию, связи, семью, – пишет Г.К.Насурдинова. – И, по-моему, нашла ответ на все свои вопросы» [1, с. 42].

Так мы вновь возвращаемся к главной точке повествования – мнимому посещению Выбити Еленой Андреевной Ган с дочерьми. Теперь прочитаем то, что рассказывается о Елене Петровне Блаватской.

«Я думаю, – пишет Г.К.Насурдинова, – в памяти ребенка ярко запечатлелся роскошный летний парк в Выбити, где она гуляла прелестной шестилетней девочкой, очень счастливой в те волшебные-блаженные июньские-июльские месяцы. <...> Именно в той роскошной усадьбе была радостна и счастлива ее такая обаятельная, такая изысканно-одетая [*так в книге*] в нежные кружева, оживленная новыми литературными идеями, молодая мама. Там же была и счастлива она сама... Там она неустанно бегала солнечными липовыми аллеями и порхала, как те многочисленные разноцветные бабочки» [1, с. 189–190].

А когда девочка выросла и пришел ее последний час, то она, «мысленно перелетая по разным странам и городам, родным домам и близлежащим их окрестностям, остановила свою память и свое дыхание именно в усадьбе князей Васильчиковых, в роскошном парке. <...> И вот это тепло, эта невидимая ласка, излучаемая до сих пор уникальной плодородной почвой, притянули отходящую к Господу-Богу душу..., измученную от неимения собственного родимого уголка в необъятной России, от неимения собственного дома... А в парке ее мысль ожила видением в образе ребенка-ангела, сияющего радужно-жемчужными переливами прозрачного перламутра... Я верю, что вот таким чудным образом вот уже более века живет в парке Выбити волшебный фантом Елены – младшей, урожденной баронессы Ган, внучки по материнской линии князей Долгоруковых...» [1, с. 191–192].

Что и говорить, очень «впечатляет». «Это, наверное, презабавно – из того мира взглянуть на этот», – сказал один из героев известного фильма «Человек с бульвара Капуцинов».

А если серьезно, то трудно понять, что это такое – писательская игра или картины воспаленного воображения? «...Вы скажете, что в основе всего такого скрыто невежество, – писал Н.К.Рерих. – Конечно, в конце концов, человек зря болтает от невежества. Но некоторая степень культурности уже обязывает быть осмотрительнее. Народ давно подметил эту беду и оправдывался: “Слово, что воробей, вылетит – не поймаешь”. Но зачем оно вылетает? Зачем слагается в мыслях?» [25, с. 447]. Действительно, зачем?

В список литературы в конце книги Насурдиновой наряду с подлинными воспоминаниями А.М.Фадеева и жизнеописаниями Е.П.Блаватской таких авторов, как Е.Ф.Писарева и М.Нэф, попали и лживые сочинения известных очеркителей ее образа – книга Всеволода Соловьева «Современная жрица Изиды» и детища современного пасквилянта А.Н.Сенкевича [1, с. 213].

В свое время В.П.Желиховская, написавшая в защиту сестры книгу «Е.П.Блаватская и современный жрец истины: Ответ г-жи Игрек (В.П.Желиховской) г-ну Всеволоду Соловьеву», ясно и обоснованно показала всю лживость и криводушие этого автора [26]. «Несравненно

приятнее, – отмечала Е.Ф.Писарева, – было бы совсем не касаться названной книги Всеволода Соловьева, которая отмечена такой печатью предательства, что, читая ее, становится неловко, словно сам участвуешь в очень нехорошем деле» [20, с. 19].

Не остались без ответа и «глубокие исследования крупного специалиста по жизни и творчеству» нашей великой соотечественницы Александра Сенкевича, порочащие и искажающие образ Е.П.Блаватской и смысл ее деятельности до неузнаваемости [27].

Теперь негативный список литературы пополнился еще одной псевдоисторической повестью Г.К.Насурдиновой. Здесь, в ответе «писательнице», перечислены далеко не все «чудеса» «на аллеях парка князей Васильчиковых», которые легко можно опровергнуть. Но и приведенных достаточно, чтобы показать истинное отношение автора к истории и историческим деятелям. Подтасовка фактов, фальшивые цитаты, искажение подлинного исторического материала до такой степени, что он, как мы видим, утрачивает всякий смысл.

В одном из своих писем Елена Ивановна Рерих ставит вопрос о достоверности книг и необходимости оберегать читателей, особенно детей, от лживых и недостойных книг, которыми полны полки книгохранилищ: «Ошибки в книгах равны тяжкому преступлению. Ложь в книгах должна быть преследуема, как вид тяжкой клеветы. Ложь оратора преследуется по числу слушателей. Ложь писателя по числу отпечатков книг. Занимать ложью место народных книгохранилищ – тяжкое преступление...» [28, с. 207]. Это слова из Учения Живой Этики, с которыми согласится каждый стремящийся к знаниям непредубежденный, здравомыслящий читатель.

В интернет-сети опубликован приказ департамента культуры и туризма Новгородской области от 09.11.2016 г. № 392 «Об утверждении итогов областного конкурса издательских проектов по истории и культуре Новгородской земли» [29]. Несмотря на то, что книга Г.К.Насурдиновой «На аллеях парка князей Васильчиковых» содержит множество явных исторических несоответствий, выдумок и погрешностей, ее имя названо среди победителей этого конкурса. Создается впечатление, что в составе жюри не оказалось ни одного сведущего историка, литератора, который сумел бы разобраться в достоинстве представленной книги Г.К.Насурдиновой и дал бы ей заслуженную оценку. Но даже неискушенному читателю при чтении этой книги бросаются в глаза небрежность, многочисленные противоречия и ошибки, в том числе грамматические. Тем не менее эта книга издана при финансовой поддержке департамента культуры и попала на полки областной универсальной научной библиотеки Великого Новгорода и других библиотек страны.

Тираж книги не указан, надо думать, он невелик, и потому можно надеяться, что она не станет продуктом массового потребления. Тем не менее хочется сказать читателям, краеведам и экскурсоводам Новгородской земли – будьте внимательны, постарайтесь не заблудиться в липовых «Аллеях парка князей Васильчиковых».

2018–2024 гг.

Примечания

1. Насурдинова Г.К. На аллеях парка князей Васильчиковых. Великий Новгород: ЗАО «Новгородский технопарк», 2017. 219 с.

2. См., например: Васильчиков 3, Николай Васильевич // Военная галерея 1812 года. Ч. 2. СПб., 1912. С. 37–38.

Васильчиков (Васильчиков 3-й) Николай Васильевич // Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М.: Росвоенцентр, Кучково поле, Росспэн, 2011. С. 64.

1812 г. Русская армия. Генералитет // 1812. Интернет-проект. Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/Persons/Russ/ra_v06.html (дата обращения: 28.07.2018).

3. См., например: Российский генералитет эпохи 1812 года: Групповой портрет // Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М.: Росвоенцентр, Кучково поле, Росспэн, 2011. С. 12–20.

Российская армия в начале Отечественной войны 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М.: Росвоенцентр, Кучково поле, Росспэн, 2011. С. 331–345.

Дунайская армия (адмирал П.В.Чичагов) // Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М.: Росвоенцентр, Кучково поле, Росспэн, 2011. С. 340–342.

1812 г. Русская армия. Генералитет // 1812. Интернет-проект. Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Persons/russ/index.html?start=0&step=10&sort=name&reverse=no&alfa=4> (дата обращения: 28.07.2018).

Списки генералитету по старшинству на 1804–1806, 1808, 1812 годы.

4. *Половцов А.А.* Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 20: Суворова – Ткачев. СПб., 1912.
5. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2 ч. Ч. 1. Одесса, 1897.
6. По сведениям С. Львова, автора интернет-проекта «Офицеры 1812 года», старшие сыновья генерала Гана, Ган 1-й и Ган 2-й, 15 марта 1812 года произведены в прапорщики и направлены на службу в армию в артиллерийские бригады.
7. *Фрейман О.Р.* Пажи за 185 лет (1711–1896). Биографии бывших пажей с портретами. Фридрихсгамн, 1894–1897.
8. Петр Алексеевич Ган // Музейный центр Е.П.Блаватской и ее семьи (сайт). Режим доступа: <http://museum-blavatsky.com.ua/ru/family/13/> (дата обращения: 28.07.2018).
9. *Фадеев А.М.* Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. В 2 ч. Одесса, 1897. 231, 256 с. // Государственная публичная историческая библиотека России. Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/22093-fadeev-a-m-vospominaniya-andreya-mihaylovicha-fadeeva-v-2-h-ch-odessa-1897> (дата обращения: 28.07.2018).
10. Общий гербовник дворянских родов Российской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1. СПб., 1798. См.: <https://gerbovnik.ru/arms/129.html> (дата обращения: 28.07.2018).
11. См., например: Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892. 293 с. *Васильевич С.* Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910.
12. Оккультный мир Е.П.Блаватской. Воспоминания и впечатления тех, кто ее знал. Сб. М.: Сфера, 1996.
13. *Блаватская Е.П.* Письма А.П. Синнетту. М.: Сфера, 1996.
14. *Неф М.* «Личные мемуары Елены Петровны Блаватской». М.: Сфера, 1993.
15. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в 9 т. Т. 5: Статьи, рецензии и заметки (апрель 1842 – ноябрь 1843). М.: Художественная литература, 1979.
16. См., например: *Желиховская В.П.* Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 733–766.
17. Князя Долгоруковы // Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854.
18. Записки графа Е.Ф.Комаровского. СПб., 1914. 279 с. // Государственная публичная историческая библиотека России. Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/4876-komarovskiy-e-f-zapiski-grafa-e-f-komarovskogo-spb-1914-biblioteka-memuarov-izdatelstva-ogni> (дата обращения: 28.07.2018).
19. О Елене Петровне Блаватской. Воспоминания, свидетельства, отзывы // Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь: ООО «Издательство ГЕРС», 2012.
20. *Писарева Е.Ф.* Елена Петровна Блаватская // Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь: ООО «Издательство ГЕРС», 2012.
21. Из писем Е.П.Блаватской // Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь: ООО «Издательство ГЕРС», 2012.
22. *Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994.
23. *Крэнстон С.* Е.П.Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига: Лигатма, 1999.
24. *Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам. М.: Сфера, 2002.
25. *Рерих Н.К.* Посевы // Н.К.Рерих. Листы дневника. В 3 т. Т. 2. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2000.
26. Е.П.Блаватская и современный жрец истины: Ответ г-жи Игрек (В.П.Желиховской) г-ну Всеволоду Соловьеву // Ярославское Рериховское общество «Орион» (сайт). Режим доступа: <http://www.ygo.narod.ru/bibliotheca/Teosophija/Zelichovskaja.htm> (дата обращения: 28.07.2018).
27. *Житкова Т.В.* О «завиральных идеях» доктора наук А.Н.Сенкевича. По следам его выступлений и публикаций // Ярославское Рериховское общество «Орион» (сайт). Режим доступа: http://ygo.narod.ru/zaschitim/ant_senkevich.htm (дата обращения: 28.07.2018).
28. *Plena deo.* Александр Сенкевич – клеветник по зову души (о выступлении А.Сенкевича в Риге, июнь 2010 г.) // Ярославское Рериховское общество «Орион» (сайт). Режим доступа: http://ygo.narod.ru/zaschitim/senkev_2010.htm (дата обращения: 28.07.2018).
29. *Сергеева Т.П.* Как недобрый глаз может превратить белое в черное // Международный Центр Рерихов (сайт). Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/2463> (дата обращения: 28.07.2018).
30. *Глуценко Л.И.* Сенкевич и другие // Культурный Центр имени Н.К.Рериха, Алматы, Казахстан. Режим доступа: <http://www.roerich.kz/publication/Senkevich.htm> (дата обращения: 28.07.2018).
31. *Рерих Е.И.* Письма в 9 т. Т. II (1934). М.: Международный Центр Рерихов, 2013.
32. Приказ департамента культуры и туризма Новгородской области от 09.11.2016 г. № 392 «Об утверждении итогов областного конкурса издательских проектов по истории и культуре Новгородской земли». Режим доступа: culture.natm.ru/tinybrowser/files/.../prikaz-po-itogam-izdatel-skih-proektov.doc (дата обращения: 28.07.2018).